

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, советник директора

Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный

университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе

г. Севастополь

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И.В. СТАЛИНА ПО УПРАВЛЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ОКРАИНAMI СССР: СУЩНОСТЬ И ИСТОКИ

Аннотация: в 1939–1940 годы И.В. Сталин решился на смелые геополитические действия. Речь идет о проблеме территориального роста СССР и сталинской стратегии управления национальными окраинами. Для объективного изучения этих действий необходимо рассмотреть причины сепаратистских процессов 1920-х годов, при анализе которых Сталин и формировал свою геополитическую стратегию.

Ключевые слова: сепаратистские движения, Национал-коммунистическая оппозиция, дезинтеграционные процессы, территориальная целостность СССР, сталинская модернизация, стратегия управления окраинами, геополитическая стратегия Сталина.

Разгром национал-коммунистической оппозиции в 1923 году еще не означал, что Москве удалось окончательно пресечь дезинтеграционные процессы, которые время от времени усиливались. Басмачество в Средней Азии, сепаратистские движения в Грузии и Чечне, вспышки «самостийности» на Украине – серьезно угрожали территориальной целостности СССР, но сталинская модернизация почти полностью их уничтожила.

К началу Второй мировой войны Советский Союз стал столь мощным государством, что И.В. Сталин решился на смелые геополитические действия. Речь идет, прежде всего, о проблеме территориального роста СССР в 1939–1940 годы и сталинской стратегии управления национальными окраинами.

Для объективного изучения сталинской стратегии управления окраинами в межвоенный период, необходимо рассмотреть на конкретных примерах причины сепаратистских процессов 1920-х годов, при анализе которых Сталин и формировал свою геополитическую стратегию.

В 1924 году вспыхнуло восстание под сепаратистскими лозунгами в Грузии. Сталин и Орджоникидзе, хотя и с оговорками, но все же признали, что это восстание опасно не только для дестабилизации Закавказья, но и всей страны. Показательны в этом плане следующие факты: «Правда» не опубликовала резолюцию октября 1924 года Пленума ЦК РКП (б) по грузинским событиям, в которой резко критиковались грузинские власти; И.В. Сталин, выступая 22 октября 1924 года на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП (б), припугнул собравшихся провинциалов, заявив им о том, что «то, что произошло в Грузии может повториться по всей России, если мы не изменим в корне самого подхода к крестьянству, если не создадим атмосферу полного доверия между партией и беспартийными» [1, с. 309–310].

Что же послужило основой для такого рода высказываний? Анализ материалов октября 1924 года Пленума ЦК РКП (б) убеждает в том, что восстание в Грузии показало Сталину и его соратникам насколько опасными для территориальной целостности страны оказываются ошибки, допущенные большевиками в региональной экономической политике. Именно грузинское восстание подтолкнуло Москву к активной работе по подъему экономики национальных окраин. О том, что всемерная забота центра об экономическом развитии окраин является одним из главных средств, нейтрализующих сепаратистские настроения, вполне определенно заявил на Пленуме ЦК РКП (б) С. Орджоникидзе: «Когда этот национальный вопрос переплетается с дешевой английской мануфактурой и хорошим заработком и хорошей ценой на продукты его производства, тогда грузинский мужик, как это показали гурийцы и мингрельцы, не прочь поменять наше красное знамя на трехцветное национальное знамя, поскольку это обещает ему дешевую мануфактуру, высокие цены на продукты крестьянского хозяйства и хороший заработок. И здесь, чтобы не быть еще разбитыми, нам надо

подойти к вопросам с этой стороны и во что бы то ни стало разрешить их» [2, л. 78]. Назвав восстание в Грузии «бутафорским» И.В. Сталин заявил: «Гурия лежит на границе с Западом, она видит дешевизну заграничных товаров в сравнении с нашими советскими товарами, и она бы хотела, чтобы цены на наши товары были снижены, по крайней мере, до заграничных цен или чтобы цены на кукурузу были подняты до степени, обеспечивающей выгодную закупку советских товаров» [1, с. 316–317].

Нерешенность многих экономических проблем была умело использована организаторами грузинского восстания 1924 года, так называемым Паритетным Комитетом, в который вошли давние противники большевиков – меньшевики, социалисты-федералисты, национал-демократы. Их главными лозунгами, со слов Орджоникидзе, были – «независимость Грузии, невмешательство государства в торговлю, дешевый заграничный товар, в одном районе Мингрелии – свободная продажа земли, а также восстановление христианства» [2, л. 76]. Паритетный Комитет имел налаженную связь с грузинскими меньшевиками-эмигрантами во главе с Н. Жордания, который считал, что восстание не ограничится только Грузией, а будет перенесено на все Закавказье и на Дагестан: «Только в этом случае Европа обратит на нас серьезное внимание и окажет помощь» [3, с. 639]. Восстание длилось не более 4 дней – с 28 по 31 августа 1924 года – и охватило из 25 уездов Грузии только 5 уездов (3 частично и 2 целиком). В ходе подавления восстания погибло 980 повстанцев, а также 150 сторонников большевиков и красноармейцев. Тем не менее, грузинские власти и Закрайком РКП (б) оно испугало настолько, что по рассказу С. Орджоникидзе, Политбюро «взгрело нас за то, что мы, якобы, не учли международное положение восстания в Грузии и прибегли к массовым расстрелам» [2, л. 78].

Показательно то, что Сталин серьезно опасался ухудшения ситуации в Грузии, чему активно способствовали местные власти, проводя несогласованные с Москвой карательные акции, а именно самочинные расстрелы грузинских повстанцев. Поэтому он постоянно вмешивался в грузинские дела и «продавливал»

свои решения. Так, в марте 1924 года И.В. Сталин не позволил грузинским большевикам расстрелять группу грузинских «контрреволюционных» священников во главе с экзархом Амвросием. 17 марта 1924 года, когда Политбюро ЦК РКП (б) рассматривало этот вопрос, именно Сталин предложил следующий ответ ЦК КП Грузии: «1) Высшая мера наказания в отношении Амвросия и других духовных членов Грузии абсолютно нецелесообразна по соображениям, прежде всего, международного характера; 2) Все имеющиеся материалы насчет контрреволюционной работы экзарха Амвросия и других духовных лиц широко использовать в специально организованной печати, по радио, на митингах, особенно в деревне и прочее» [4, л. 6].

Через год после восстания в Грузии, осенью 1925 года, И.В. Сталин настоятельно рекомендовал С. Орджоникидзе пресечь слухи о создании менгрельской автономии: «Жалею, что шутки о Менгрелии приняты всерьез легковерными товарищами. Можешь заявить от меня, что не высказывался и не намерен высказаться в пользу автономии Менгрелии» [5, л. 1]. Такую же строгую требовательность по отношению к грузинским властям Сталин проявил и при работе над резолюцией октябрьского 1924 года Пленума ЦК РКП (б) «По вопросу о Грузии». Окончательную редакцию резолюции провело Политбюро. Сначала в резолюции были объективно вскрыты причины восстания: недоработки в обеспечении земельными участками крестьян Гурии и Менгрелии; нерешенность вопросов экспорта кукурузы и развития отхожих промыслов; бюрократические препоны заготовителям шерсти в реализации их продукции, что явилось ощутимым ударом по местному населению, особенно после введения единого сельскохозяйственного налога; административный произвол низовых структур советской власти, особенно в части закрытия церквей.

Для улучшения экономического положения Грузии Пленум ЦК РКП (б) обязал ВСНХ и Наркомат внешней торговли СССР восстановить отхожие промыслы, наладить экспорт кукурузы и обеспечить реализацию шерсти, немедленно наделить крестьянство Гурии и Менгрелии земельными участками, увеличить объемы «снабжения Грузии» ввиду «недостатка товаров, главным образом

мануфактуры». Для оздоровления политической атмосферы Пленум потребовал: заменить местные райисполкомы системой земских комитетов, более соответствующих национальным грузинским традициям; широко привлекать беспартийных к административной работе, вплоть до выделения им 1–2 мест в ЦИКе Грузии; проверить низовой сельский аппарат с привлечением к этой проверке крестьян. Пленум категорично высказался за отмену нормы собрания 300 подписей, установленную ЦИКом Грузии, и «всякие другие административные ограничения, предоставив крестьянам право открытия церквей. Категорически предостеречь местные власти от какого бы то ни было давления об открытии церквей, ...то же в отношении преследования священнослужителей за исполнение ими своей службы» [2, лл. 83–84].

Грузинское восстание выявило «ахиллесову пяту» Советской власти – Москва не успевала вникать во все проблемы национальных окраин, излишне передоверяя их решение местным властям по собственному усмотрению. Многочисленные документы подтверждают, что попустительство и преступный произвол на местах приводили к народным восстаниям. Именно произвол местных властей спровоцировал рост антисоветских выступлений в Средней Азии и в Чечне. Приведем некоторые документы. В феврале 1924 года РВС Туркестанского фронта передал в РВС Хорезмской группы войск директиву, в которой указывалось на то, чтобы «в дальнейшем меры по ликвидации восстания в ХССР проводились в возможно менее репрессивных формах, так как с запуганным террором населением будет чрезвычайно трудно установить основанное на взаимном доверии – сотрудничество. Необходимо, чтобы правительство ХССР в дальнейшей своей работе опиралось на декханское население, а не на исключительно наши штыки» [6, л. 25]. Руководство Хорезмской группы войск вело борьбу с произволом работников местного ГПУ, которые своим «усердием» в расстрелах, обысках и грабежах пополняло ряды басмачей. Не случайно в инструкции по разоружению населения командующий войсками Хорезмской республики Иван Семенович Кутяков приказывал: «если во время поисков оружия будет замечены и установлены со стороны агентов ГПУ случаи злоупотреблений, мародерства и

насилий над гражданами, то таковых на глазах масс мирного населения подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу» [6, л. 60].

В начале 1924 года работники ГПУ Средней Азии послали в Среднеазиатское бюро ЦК РКП (б) подробную аналитическую записку о причинах и ходе подавления восстания басмачей во главе с Джунаяд-Ханом в Хиве. Восстание возникло в связи с нерешенностью экономических проблем региона: прекращения спроса на хивинский хлопок со стороны России; крайне обременительных налогов, которые были возложены «исключительно на декхансконое население» [6, л. 12].

Некомпетентность и самодурство местных властей серьезно осложняли положение в Чечне. К.Е. Ворошилов, присутствовавший на церемонии провозглашения чеченской автономии в январе 1923 года, писал И.В. Сталину о том, что местные коммунисты «ничему не научились и не могли ничему научить. Расслечение, «опора на бедняцкие элементы», «борьба с муллами и шейхами» и прочие прекрасно звучащие вещи служили удобной ширмой для прикрытия своего убожества и непонимания, как подойти к разрешению стоящих на очереди вопросов» [7, с. 406]. Схожие оценки партийным и советским работникам Чечни были даны на 4-м совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 года чеченским делегатом Эльдерхановым, который говорил о том, что «слашавые речи по адресу трудящихся, улыбки по их адресу, хватание за бороды мулл, выколачивание продналога штыком, чтобы в конечном итоге получить только 5–6% задания, излишний военный нажим, от которого страдало мирное население, бандиты же убегали в горы, – в конечном итоге создали фронт против Советской власти» [8, с. 197].

Помимо фактов халатности, некомпетентности, самодурства в деятельности местных органов власти Москва получала тревожные сигналы о коррупции отдельных руководителей республик и об их антисоветских связях. На 4-м совещании ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей представитель Туркестана Тураг Рыскулов рассказывал о том, что «Ари-

фов, военный низир Бухары, ...переходит с полком с большими военными припасами на сторону басмачества, ...некто Махмуз, заведующий особым отделом в старом городе Ташкенте, впоследствии высланный оттуда, оказался теперь большим нэпманом» [8, с. 26]. Еще более вопиющие факты коррумпированности и продажности местных властей обнаружились в 1925 году при подавлении очередного антибольшевистского восстания в Чечне под руководством Н. Гоцинского. В сентябре 1925 года полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимов сообщил в Москву, что в связях с людьми Гоцинского замешаны заместитель председателя ЦИК Чечни Шерипов, его родной брат – председатель областного суда, заведующий земельным отделом ЦИК Чечни Хамзатов, член Президиума ЦИК Чечни Гайсумов [9, с. 149–150].

При всех противоречиях НЭПа несогласованность действий центральной и республиканских властей при проведении модернизационных преобразований в национальных окраинах способствовала неуклонному падению политического влияния Москвы. Добиться окончательного устраниния причин ослабления властных полномочий союзного центра Stalin настойчиво стремился все 1920-е и отчасти 1930-е годы.

Эту задачу он решил по *трем основным стратегическим направлениям*. *Первое направление* было связано с ускорением социально-экономического развития национальных республик. Быстрый рост экономики союзных республик достигался за счет искусственного роста их бюджета. Эти республики получили не только стабильные дотации из общесоюзного бюджета, но имели немало льгот и послаблений, например, имели право оставлять на свои нужды часть производимой ими продукции. Известно и то, что искусственный рост бюджета союзных республик осуществлялся за счет всевозможных дискриминационных мер в отношении бюджета РСФСР. В 1930 году РСФСР отчисляла в свой бюджет 64,2% поступлений от промыслового налога, в то время как все остальные республики отчисляли до 100% [10, с. 236]. Любая возможная корректировка такой политики трактовалась как выражение «великодержавного» или «великорусского» шовинизма. Этот политический ярлык был в политическом обиходе как в

1920-е, так и в 1930-е годы. В 1937 году на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) в «великодержавности» был обвинен бывший председатель СНК СССР и РСФСР А.И. Рыков. Заместитель председателя СНК и Госплана СССР З.И. Межлаук докладывал на Пленуме о том, что в свое время при обсуждении бюджета «Рыков, используя материалы какого-то из своих «помощников», выступил с заявлением, что он считает совершенно недопустимым, что туркмены, узбеки, белорусы и все остальные народы «живут за счет русского мужика». Основанием для такого, мягко говоря, антипартийного заявления послужило то, что даже эта жульнически составленная справка, не учитывавшая территориального деления союзного бюджета, показывала законный и необходимый тогда более быстрый рост бюджетов остальных национальных республик по сравнению с ростом бюджета РСФСР. При этом Рыков, разумеется, ограничился, как всегда, ядовитой «критикой», не осмеливаясь внести в ЦК ВКП (б) свои предложения, но предназначая эту критику для воспитания своей группы на основе... великодержавности, составляющей часть рыковской политической физиономии» [11, с. 20].

С точки зрения национальной безопасности СССР большевики были вынуждены форсировать экономическое развитие советских окраин любой ценой. Интенсивное развитие экономики среднеазиатских республик напрямую было связано с проблемой охраны их границ, на которых в 1920-е годы было весьма неспокойно. В мае 1925 года Политбюро рассматривало ситуацию в Туркмении в связи с очередными народными волнениями в Иране. Не желая оказаться втянутым в эти события Москва 21 мая 1925 года обязала власти Туркмении «принять меры к полному обеспечению неучастия в указанных событиях членов коммунистической партии и должностных лиц Туркменистана» и поручило наркому иностранных дел Чичерину не только заявить иранскому шаху о полной непричастности СССР к восстанию в Иране, но и даже «выразить готовность помочь его ликвидации персидским правительством» [12, л. 3]. Кроме того, чтобы стабилизировать ситуацию в Средней Азии Политбюро поручило срочно улучшить

экономическое положение в регионе. Созданная Политбюро ЦК ВКП (б) комиссия по среднеазиатским делам постановила: «В целях укрепления экономического значения Союза в приграничных областях признать необходимым... обеспечить полное удовлетворение потребностей населения приграничных областей и сопредельных стран продуктами промышленного производства» [12, л. 22].

В некоторых регионах экономическая неразвитость при отсутствии необходимой помощи от общефедерального правительства серьезно угрожала национальным интересам СССР. На Охотском, Камчатском и Чукотском побережье местное население оказалось практически полностью зависимым от деятельности американских и японских фирм. В мае 1924 года заместитель полномочного представителя ОГПУ по Дальнему Востоку Музыкант Владимир Индрикович сообщал в Москву о том, что на Чукотку представители Советской власти еще и не добрались, а «экономическое положение туземцев просто аховое», поскольку «на всем побережье, главным образом, орудуют две американские фирмы «Олаф свенсен» и «Гудзон бей» – обе хищнические и полутиратские. Прибыли выплачиваются 100 и более процентов... С Олаф Свенсеном в прошлом году был заключен договор, предоставляющий ему монопольное право вывоза пушнины (с соблюдением таможенных обязанностей и обложений) и за это Свенсен должен был снабжать местное население предметами первой необходимости. Свои обязанности Свенсен исполнить не мог или просто не исполнил. Так что население Камчатки было снова поставлено в трудное экономическое положение. Несмотря на шкуродерство все-таки американские товары обходились дешевле центросоюзовских. Японцы ведут себя гораздо хуже американцев, это – просто грабители, использующие пристрастие туземцев к спиртным напиткам и спаивающие их... На Чукотке происходит медленная: культурная оккупация американцев. Большое количество чукчей говорит по-английски, не зная русского языка. Более зажиточные посылают своих детей учиться в американские школы. Имеются сведения, что американцы посылают своих учителей (наверное, миссионеров) на Чукотку» [13, лл. 47–48].

Нерешенность экономических проблем регионов оборачивалась откровенной иностранной экономической интервенцией, победить которую можно было только активным вмешательством общесоюзного центра в экономическую жизнь национальных окраин. Насколько глубоко И.В. Сталин политически осознавал и практически решал региональные экономические проблемы? Документы подтверждают, что при разработке стратегии управления национальными окраинами Stalin учитывал специфику местных условий и, исходя из этого, предлагал конкретные политические решения.

В феврале 1935 года, участвуя в работе комиссии 2-го Всесоюзного съезда колхозников-ударников, И.В. Stalin настоял на увеличении размеров приусадебных крестьянских хозяйств, ссылаясь на различия в землепользовании в разных регионах СССР. «Вы должны принять такое решение, – говорил Stalin, – в силу которого размеры приусадебной земли могли бы колебаться от местных условий. Ниже четверти га не должно быть и до одной второй га, а в отдельных районах до одного га. Я боюсь, что слишком смело то, что я говорю, может быть даже нужно повысить норму (Калинин. Товарищ Stalin, не хватит у нас земли). Stalin. Во всяком случае пока того, что я предлагаю, хватит для того, чтобы не вызывать недовольства и колхозников, у которых имеется сейчас больше чем $\frac{1}{2}$ га. (Ворошилов. Таких все-таки меньшинство). Stalin. Я бы этого не сказал. В Кабарде не меньшинство, в Майкопе не меньшинство, возьмите Южный Дон – тоже не меньшинство. Вы возьмите некоторые районы Украины. Тут таится нечего, надо прямо сказать!.. Есть дворы, у которых имеется по 4 га. Я сам видел... Восточная часть Сибири имеет особые хозяйства, там по 3–4 коровы можно иметь в личном пользовании. Иначе нельзя. В Казахстане, где кочевое животноводство, там по 8 га дается в личное пользование. Там земледелия нет, весь народ там живет животноводством. Если вы хотите писать закон не для одного колхоза, а для всей страны – надо все учесть, все разнообразные условия» [14, л. 255]. Под влиянием этого выступления 2-й Всесоюзный съезд колхозников-ударников и принял известное решение об увеличении размеров приусадебных участков от

0,25 га до 0,5 га в пригородных районах, а в районах хлопководства, табаководства и в отдельных областях до 1 га.

Учитывать специфику местных условий при принятии определенных решений, касающихся региональных экономических проблем, И.В. Сталин призывал в январе 1941 года группу экономистов, участвующих в обсуждении учебника «Политическая экономия». Критикуя систему уравнительной оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных работников, Сталин продемонстрировал пороки этой системы на примере Прибалтики. Так, он говорил о том, что «вот в Прибалтике, например, раньше была сдельная система оплаты, потогонная система в условиях капитализма. Пришла Советская власть – везде установили повременную оплату. Но мы должны – это будет правильно – сделать так, чтобы они перешли на сдельную плату» [15, л. 7]. После присоединения в 1940 году к СССР новых территорий И.В. Сталин особенно внимательно относился к их экономическому развитию. Москва делала все возможное для того, чтобы население присоединенных территорий не испытывало резкого падения уровня жизни, что неизбежно толкнуло бы его в орбиту влияния других государств. Чтобы этого не случилось, Сталин лично шел навстречу насущным экономическим потребностям новых советских территорий.

В начале 1941 года он уделил большее внимание обеспечению земельными участками и сельскохозяйственным инвентарем безземельных и малоземельных крестьян Бессарабии. 15 января 1941 года И.В. Сталин и В.М. Молотов подписали постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об использовании имущества, оставляемого эвакуированным немецким населением в Молдавской ССР». Передавая молдавским крестьянам земли бывших немецких колонистов, правительство открывало им долгосрочный кредит (колхозникам – 250 тысяч рублей, крестьянским хозяйствам – 1 миллион рублей). Для скорейшего переселения крестьян на земли «эвакуированного немецкого населения наркомат совхозов СССР и наркомат финансов СССР были обязаны выделить 350 тысяч рублей». Кроме

того, «для оплаты привлечения рабочей силы по уходу за скотом и охране имущества до момента его передачи переселяемым», из резервного фонда СНК СССР Совнаркому Молдавии выделялось 1 миллион рублей» [16, с. 135–136].

Сталин осознавал необходимость форсирования экономического развития национальных окраин для укрепления геополитического положения СССР. Вполне закономерно возникают следующие вопросы. Почему И.В. Сталин проводил такую национально-государственную политику, при которой советские республики развивали свой экономический потенциал за счет интересов РСФСР? Существовала ли историческая альтернатива сталинской политике в конкретной геополитической ситуации, в которой находился СССР в 1920-е и 1930-е годы?

Ускоренное развитие окраин в ущерб метрополии Сталин во многом унаследовал от царского правительства, которое также игнорировало интересы метрополии, вкладывая в окраины огромные средства, мало себя окупавшие. В 1901 году известный знаток Востока, специалист по исламу Михаил Алексеевич Миропиев выпустил в свет книгу «О положении русских иногородцев», в которой нарисовал ужасающую картину убыточности российской казны из-за непомерно щедрых дотаций окраинам. Согласно данным Миропиева, составленным на изучении официально-статистической литературы, только Закавказье к 1898 году принесло казне убыток в 7458600 рублей, поскольку, потребляя 5,2% расходов от казны, давало доход на 3,87%. Комментируя такие цифры Миропиев писал, что «окраинные дефициты влекут за собой громадное государственное зло: экономическое оскудение и даже по местам вырождение нашего центра, наших внутренних губерний европейской России... Придется сделать одно из двух: или сократить расходы или повысить доходность окраин, наблюдая при этом, чтобы та или другая окраина окончательно утратила свой паразитический характер и не была в тягость нашему государству, нашей государственной казне... Перед нами довольно трудная дилемма: с одной стороны – Сибирь с ее барышами, но бедствиями инородцев, а с другой Туркестан и Кавказ с благосостоянием их туземцев, но с громадными и хроническими денежными дефицитами» [17, с. 505–507, 512, 515].

Экономическое положение русских и их культурный уровень еще и при царизме были заметно хуже, чем у других народов. Вот какие факты приводит по данному поводу современный исследователь Виктор Иванович Козлов: «Русские крестьяне были закабалены сильнее других национальностей страны; к 1861 году в крепостной зависимости находилось еще около двух пятых русских крестьян (в некоторых центральных губерниях до трех пятых и более). На территории Украины и Белоруссии, где крепостничество было связано главным образом с деятельностью польских магнатов, процент крепостных был ниже. Что касается иноэтнических групп, например, в Поволжье – мордовских, чувашских и других, то они сначала попали в разряд «ясашных», а затем в подавляющем большинстве – в разряд «государственных» крестьян – более свободных и в среднем лучше обеспеченных землей как до реформы 1861 года, так и особенно после нее. Значительно лучше русских были обеспечены землей народы Прибалтики, что дало им возможность развивать хозяйства хуторского типа... Доля грамотных среди русскоязычного населения по переписи 1897 года составляла лишь около 25% и была примерно в 2–3 раза ниже, чем у народов Прибалтики, финнов и евреев, значительно ниже, чем у поляков, а в Уфимской губернии ниже, чем среди татар» [18, с. 134–135].

Данный экскурс в дореволюционный период отечественной истории подтверждает то, что не И.В. Сталин и не большевики являются родоначальниками политики целенаправленного бюджетирования метрополией экономических нужд окраин. Данную политику Stalin проводил с целью предотвращения сепаратизма окраин, одной из основных причин которого была их экономическая слаборазвитость. Ради этой цели он был готов заморозить и строительство ДнепроГЭСа. В июле 1925 года в одном из своих писем В.М. Молотову, И.В. Сталин с возмущением информировал его о приостановке Политбюро решения о строительстве нефтепровода Баку-Батуми доказывая, что этот нефтепровод нужнее ДнепроГЭСа, поскольку Закавказье испытывает топливный голод, а Донбасс, напротив, не испытывает [19, с. 32]. Данный факт еще раз подтверждает то, что

заботы Сталина о нуждах окраин диктовались общегосударственным соображением – не допустить откола от страны какой-либо части ее территории, на которой из-за низкого уровня жизни местное население будет с вожделением смотреть на более благополучные соседние страны. События 1924 года в Грузии чуть было к этому и не привели.

Второе направление в сталинской стратегии управления советскими территориями выражалось в политике национально-территориального размежевания многочисленных народов страны и в создании новых национально-государственных единиц в составе СССР. Создание национальных автономий И.В. Стalin осуществлял в интересах укрепления российской государственности. В годы Гражданской войны и в первые смутные годы по ее окончании многочисленные народы России требовали от Москвы предоставления им собственной государственности. Для большевиков игнорирование этих требований означало потерю своей власти на той или иной территории. Сохранение единой России было невозможно без предоставления ее народам различных форм суверенитета. Думается, уместно будет вспомнить о том, что ради сохранения целостности России и царская власть допускала определенную децентрализацию Империи. Достаточно вспомнить о том, что в 1815 году Александр I дал Польше весьма либеральную конституцию, после чего известный польский патриот Тадеуш Коштюшко заявил о том, что «я сохранию до самой смерти чувство справедливой благодарности к государю за то, что он воскресил имя Польши» [20, с. 285].

Финляндия была, по сути, автономией в составе Российской Империи. Она имела не только свой законодательный орган – сейм, но и полную административную и культурную автономию, даже свой собственный язык. Со временем такое положение Финляндии создало для местного русского населения весьма неуютную атмосферу проживания – русские не имели избирательных прав, не могли занимать государственные и общественные должности и даже не имели права на преподавание истории. Это было позволено только лицам протестантского вероисповедания. Опираясь на эти факты, премьер-министр России Петр Аркадьевич Столыпин заявил в 1910 году о том, что «права русских подданных

мало чем отличаются в Финляндии от прав иностранцев» [21, с. 292, 403–404]. Немаловажно отметить и то, что попытки П.А. Столыпина защитить русское население в западных губерниях России наталкивались на активное сопротивление российского дворянства, ставившего свои сословные, корпоративные интересы выше национальных интересов. В 1911 году Государственный Совет Российской Империи отверг проект Столыпина о введении земств в 9 западных губерниях России, который был направлен на защиту русских, украинцев и белорусов от гнета польских помещиков. Член Государственного Совета Петр Николаевич Дурново прямо писал Николаю II, что нельзя «ограничивать в правах консервативное польское дворянство в пользу русской полуинтеллигенции» [22, с. 456].

Таким образом, наделение атрибутами суверенитета тех или иных территорий России также имело место до 1917 года, как и усиленное экономическое развитие окраин в ущерб метрополии, а национальные интересы приносились в жертву имперским общегосударственным интересам. В этом и заключается трагический неумолимый рок и историческая жертвенность русского народа. Национально-территориальное размежевание в 1920-е и 1930-е годы не являлось «спланированной злонамеренной акцией Сталина», а было вызвано объективными историческими причинами. Об этом неоднократно заявлял престарелый В. М. Молотов писателю Ф. Чуеву. Когда разговор зашел о размежевании среднеазиатских республик, Молотов сказал о том, что «ведь острая борьба шла. Казахи, например, их верхушка, дрались за Ташкент, хотели, чтобы он был их столицей, Сталин собрал их, обсудил это дело, посмотрел границы и сказал: «Ташкент – узбекам, а Верный, Алма-Ата – казахам» [23, с. 278–279].

Документы подтверждают, что размежевание народов Средней Азии действительно было вызвано острыми межэтническими противоречиями между этими народами. В конкретной ситуации 1920-х годов большевики, без всякого преувеличения, спасли тысячи жизней туркмен и узбеков, предоставив им возможность жить раздельно по своим республикам. О национально-территориальном размежевании в Средней Азии в октябре 1924 года на Пленуме ЦК РКП (б)

сделал весьма обстоятельный доклад Я.Э. Рудзутак. Он обратил внимание участников Пленума на две проблемы. Первая касалась столкновения экономических интересов Бухары, Туркестана и Хорезма. «Очень часто разницы в хлебных ценах в Туркестане и в Бухаре, – говорил Рудзутак, – приводили к целому ряду недоразумений между правительствами этих обеих стран, между кишлачным и аульным населением. Поднятие цен на хлопок и на хлеб приводило к переходу из Бухары в Туркестан, поскольку казалось, что там условия легче, а иногда к обратному переходу из Туркестана в Бухару. Поэтому население Туркестана, Бухары и Хорезмской республики для того, чтобы восстановить нормальный порядок и нормальные условия работы, в конце концов, пришло к убеждению о необходимости размежевания Туркестана и Средней Азии вообще по национальному признаку» [2, л. 33].

Вторая проблема заключалась в вечной племенной вражде между туркменами и хивинскими узбеками. Хивинские узбеки загоняли туркмен в пески, захватывая их оазисы и лишая их тем самым возможности заниматься земледелием. «Поскольку было одно общее административное управление, – рассказывал Рудзутак, – то не только в Хорезмском ЦИКе и Совете Назиров происходили столкновения между узбеками и туркменами – они по существу разрешались кровавыми столкновениями и драками шайки Джунайд-Хана, нападавшей на оседлые районы, которые не прекращались до последнего времени. Лишь сейчас, когда был поставлен вопрос о национальном размежевании Туркестана, о том, что Туркмения объявляет себя автономией, этот самый Джунайд-Хан, который держится уже скоро 6 лет, ...он месяц назад прислал письмо с заявлением, что он больше войну вести не желает, что он желает помириться и объединиться со всеми остальными сородичами, братьями-туркменами» [2, л. 34].

Таким образом, что национально-территориальное размежевание народов Средней Азии было вызвано, прежде всего, стремлением Москвы предотвратить межэтнические столкновения в этом регионе. Предоставляя народам различные формы суверенитета И.В. Сталин допустил ряд серьезных просчетов. Создавая Карельскую АССР и Казахскую ССР, он совершенно не принимал в расчет того,

что русские в этих республиках составляли большинство над титульными нациями. В ряде случаев Сталин проявлял опасения из-за частой перемены границ внутри СССР, а также стремился к защите интересов русских. 12 февраля 1929 года И.В. Сталин встретился с группой украинских писателей. Главной темой беседы было обсуждение пьесы Михаила Афанасьевича Булгакова «Дни Турбиных», которую украинские писатели требовали снять с репертуаров театров, как разжигающую антиукраинские настроения. В ходе беседы украинская делегация неожиданно стала выражать территориальные претензии Украины на части Курской, Воронежской губерний и Кубани, в которых проживало много этнических украинцев. На это Сталин ответил следующее: «Мы слишком часто меняем границы – это производит плохое впечатление и внутри страны и вне страны. Милюков даже писал за границей: Что такое СССР? Нет никаких границ. Любая республика может выйти из состава СССР, когда она захочет. Есть ли это государство или нет? 140 млн населения сегодня, а завтра 100 млн населения. Внутри мы относимся осторожнее к этому вопросу, потому что у некоторых русских это вызывает большой отпор. С этим надо считаться. С точки зрения национальной культуры и с точки зрения развития диктатуры пролетариата и с точки зрения развития основных вопросов нашей политики и работы, конечно, не имеет сколько-нибудь серьезного значения, куда входит один из уездов Украины и РСФСР. У нас каждый раз, когда такой вопрос ставится, начинают рычать: а как миллионы русских на Украине угнетаются, не дают на родном языке развиваться, хотят насильственно украинизировать и так далее ... Этот вопрос чисто практический. Он раза два у нас стоял. Мы его отклонили – очень часто меняются границы. Белоруссия ставит сейчас вопрос о том, чтобы часть Смоленской губернии присоединилась к ним. Я думаю, что такой вопрос надо решать осторожно, не слишком забегая вперед, чтобы не развивать отрицательного отпора со стороны той или другой части населения. Это внизу тоже имеется. Я не знаю, как население этих губерний хочет присоединиться к Украине? (Голоса: хочет). А у нас есть сведения, что не хочет...» [24, л. 19]. Этот фрагмент беседы И.В. Сталина с украинскими писателями достаточно красноречиво свидетельствует о

том, что частые перемены границ внутри СССР были для него не только нежелательны, но и опасны, прежде всего, из-за бесконечного ущемления прав русского населения.

Многие современные исследователи считают Сталина русофилом, но, несмотря на противоречивость общественного мнения о роли личности И.В. Сталина в исторической судьбе России, с уверенностью можно утверждать, что он не был русофобом, несмотря на громогласные обличения «великорусского шовинизма». Как и во многих других вопросах, так и в «русском вопросе», И.В. Сталин был чистым прагматиком, о чем свидетельствует его политика по отношению к Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Сталин считался с интересами русского народа – самого многочисленного в СССР. Известно, что в феврале 1923 года Политбюро ЦК РКП (б) не приняло предложение И.В. Сталина о предоставлении населению «русских губерний» права представительства в Совете Национальностей ЦИК СССР наравне с населением союзных республик и автономий РСФСР [25, с. 154–155]. В 1937 году именно Сталин был инициатором введения обязательного изучения русского языка в школах национальных республик. В сентябре 1937 года на Пленуме ЦК ВКП (б) И.В. Сталин был докладчиком по этому вопросу, но в стенографическом отчете этого Пленума, хранящегося в РГАСПИ, текст сталинского выступления, к сожалению, отсутствует [26, л. 1]. Данное решение объективно препятствовало дискриминации русского населения в национальных республиках. Интересен следующий факт. В 1937 году Сталину прислали на редакцию Конституцию Якутской АССР. Редактируя этот документ, он вынес резолюцию о том, чтобы судопроизводство в Якутии велось на родном языке только в районах «с большинством эвенкийского и эвенского населения», а «в сельских районах и поселках с большинством русского населения судопроизводство должно было осуществляться только на русском языке» [27, л. 2].

Существуют исторические факты, свидетельствующие о том, что при создании некоторых национальных автономных единиц И.В. Сталин преследовал исключительно геополитические цели. Именно эти цели предопределили создание

Еврейской автономной области. Близки к истине размышления авторитетнейшего деятеля советской госбезопасности Павла Анатольевича Судоплатова, который писал в своих мемуарах о том, что «образование Еврейской автономной области с центром Биробиджан было предпринято Сталиным для усиления пограничного режима на Дальнем Востоке путем создания там своего рода заслона, а совсем не как шаг к созданию еврейского государства. Граница в этих местах нередко нарушалась китайскими и белогвардейскими террористическими группами. Идея Сталина заключалась в том, чтобы поставить преграду на их пути в виде поселений, жители которых настроены враждебно к белоэмигрантам, и особенно к казачеству...Хотя область и имела автономию, она была всего лишь приграничной особой территорией, а не политическим центром» [28, с. 337–338]. Данная идея исторически идентична геополитическим намерениям И.В. Сталина предоставить автономию Галиции во время советско-польской войны 1920 года.

Резюмируя вышеизложенное о сталинской политике национально-территориального размежевания необходимо признать, что эта политика служила укреплению СССР – народы Советского Союза изживали сепаратистские настроения, межнациональные отношения постепенно выравнивались.

Третье направление в сталинской стратегии управления СССР заключалось в создании и постоянном укреплении мощного партийно-государственного аппарата, способного мгновенно подавить всякий всплеск сепаратизма. Сталину удалось создать такой аппарат, который и был главным гарантом территориальной целостности СССР. Сталинское определение коммунистической партии как «ордена меченосцев» широко известно. Данное определение точно характеризует деятельность компартии при И.В. Сталине. Именно партийный аппарат во главе со всесильным Политбюро подчинил себе все государственные структуры, сосредоточив в своих руках необъятную власть. Сталин, как известно, придавал первостепенное и принципиальное значение процессу укрепления единства партии, вступая в острые дискуссии не только с оппозицией, но и со своими соратниками. Так было в декабре 1925 года, когда на Пленуме ЦК РКП (б) К.Е. Ворошилов выступил с инициативой образования отдельной Российской Компартии.

Реакция И.В. Сталина на эту инициативу была достаточно жесткой: «мы вопрос об образовании отдельной Российской партии не ставили. Почему? Потому, что практически нет необходимости выделяться. Москва – центр. ЦК руководит всеми организациями и нечего особую организацию выдвигать». Когда Орджоникидзе подал реплику о том, что «закавказская партия» желает переименоваться», Сталин сказал, что «из этого может получиться только отрицательный эффект» [29, л. 5].

И.В. Сталин опасался федерализации партии, поскольку это было чревато тем, что центральные партийные органы могли утратить часть своих полномочий. Кроме того, создание Российской компартии могло вызвать совсем нежелательную конкуренцию между ней и общесоюзной компартией в деле управления самой крупной республикой – РСФСР. Блокировав создание Российской компартии, Сталин укреплял не только свои личные властные позиции, но и систему партийной власти, чтобы «держать в руках» республиканские парторганизации. Только единый мощный центр власти – Политбюро ЦК ВКП (б) – мог обеспечить целостность государства в период глобальных модернизационных процессов в условиях сложной международной обстановки 1920-х-1930-х годов. Такой центр власти позволял эффективно бороться с теми местными руководителями, которые нередко игнорировали решения общефедеральных органов власти. Историк О.В. Хлевнюк справедливо указывал на то обстоятельство, что в 1930-е годы местные руководители, требуя от центральной власти капиталовложений, различных льгот, «снисходительно относились ко всякого рода, нарушениям и старались защитить своих людей, если те попадались на совершении противозаконных операций» [30, с. 125].

Сосредоточение всей власти в Политбюро ЦК ВКП (б), а фактически в руках И.В. Сталина, позволило проводить на окраинах выгодную Москве кадровую политику. Stalin делал все возможное, чтобы разрушить в республиканских органах власти всякую групповщину, местничество, атмосферу круговой поруки. На февральско-мартовском 1937 года Пленуме ЦК ВКП (б) И.В. Stalin обрушился с резкой критикой на секретаря парторганизации Казахстана Левона

Исаевича Мирзояна и руководителя парторганизации Ярославской области Войнова, которые, получив новые назначения, сформировали, свои команды исключительно из тех людей, с которыми они работали на предыдущих должностях. Сталин обвинил Мирзояна и Войнова в том, что они нарушили «большевистское правило подбора работников, которое исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности» [31, с. 46].

Всесиление Политбюро ЦК ВКП (б) позволяло улаживать многочисленные межведомственные конфликты, что служило делу укрепления союзного государства. В 1930 году при возникновении острых трений между наркоматом внутренних дел РСФСР и ОГПУ по вопросу об использовании труда заключенных, осужденных на сроки свыше 3-х лет (каждое из этих ведомств хотело удержать заключенных в своих лагерях), Сталин написал Молотову о том, что НКВД РСФСР нужно просто «закрыть», что и было сделано в декабре 1930 года [32, с. 214–216]. Таким образом, создание единой централизованной системы управления Советским государством во главе с Политбюро явилось главным гарантом территориальной целостности и geopolитической независимости СССР. Всесиление партийной власти, приведшее к усилению личной власти И.В. Сталина в середине 1930-х годов, не вызывали у советского лидера стремления реформировать СССР в соответствии с отвергнутым Лениным сталинским планом «автономизации».

В 1930-е годы продолжали появляться новые союзные республики, которые по Конституции 1936 года уже имели право выхода из состава СССР. Сталинская национально-государственная политика не нуждалась в каких-то серьезных корректировках, так как сепаратистские и дезинтеграционные процессы были подавлены; Москва основательно укрепила российскую государственность; сталинская национально-государственная политика эволюционировала от большевизма к россиецентризму. Показательно в этом плане личное участие И.В. Сталина в работе над Конституцией 1936 года. В ходе работы над конституционным проектом и во время заседаний 8-го Чрезвычайного съезда Советов СССР в 1936 году Stalin предпринял комплексные меры по дальнейшему укреплению территориального единства СССР. Просматривая предварительный вариант

Конституции, он позаботился о незыблемости центральной власти в системе советского государственного управления. Сталин отверг в предварительном проекте 42 статью Конституции, по которой «Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР – глава государства, народный президент – избирается всем народом страны». Вычеркнув эту статью, он предложил увеличить количество заместителей Председателя Президиума ВС СССР с тем, чтобы «от каждой союзной республики входил один заместитель» [33, л. 2]. Данное решение свидетельствует не о нежелании И.В. Сталина поступиться личной властью, а об определенном государственном pragmatizme – всесоюзные выборы «народного президента» в 1937 году, несомненно, ослабили политические позиции Москвы при появлении нескольких кандидатов на этот пост, в том числе и из национальных республик.

В своем известном выступлении на 8-м Чрезвычайном съезде Советов СССР Сталин блокировал предложения о возможном преобразовании автономных республик в союзные в случае достижения автономиями хозяйственного и культурного уровня союзных республик. Он выдвинул три невыполнимых признака, которые могли бы позволить автономиям трансформироваться в союзные республики: республика должна быть окраиной, не окруженной со всех сторон территорией СССР; национальность, давшая свое имя республике, должна составлять компактное большинство; республика должна иметь население в количестве не менее миллиона человек [34, с. 567]. С другой стороны, ради демонстрации «триумфа ленинской национальной политики», в этом же выступлении Сталин отверг предложения об исключении из Конституции 17-й статьи, закрепляющей за союзными республиками право на свободный выход из СССР и о ликвидации Совета Национальностей [34, с. 566, 568]. В предварительном варианте Конституции И.В. Сталин также распорядился отменить 124 статью в редакции «запретить отправление религиозных обрядов» и 135 статью, лишающую избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев и всех остальных «бывших» [33, л. 3].

Национально-государственная политика Сталина в 1920-е и 1930-е годы смогла обеспечить единство Советского Союза, столь необходимое в силу постоянной внешней угрозы. В годы Великой Отечественной войны никакие высокопрофессиональные немецкие геополитики и администраторы не смогли спровоцировать в СССР межэтнические конфликты, раздробить его на части, создать в нашей стране мощные сепаратистские движения. Единство народов СССР в борьбе против гитлеризма поразило даже непримиримых к большевизму русских эмигрантов. Уже после окончания Великой Отечественной войны, в 1951 году, известный русский историк- антикоммунист, сидевший в тюрьмах ЧК и чудом избежавший расстрела, С.П. Мельгунов писал о том, что «в России нет горючего материала, воспламенение которого может привести к распаду страны. И даже современное большевистское зло может сослужить добрую службу – большевизм крепко сцепил между собой российские национальности» [35, с. 136].

Для изучения проблемы территориального роста СССР в 1939–1940 годы необходимо: выяснить насколько справедливы и оправданы были притязания СССР на западноукраинские и западнобелорусские земли, Выборгскую область, Прибалтику, Бессарабию и Северную Буковину; проанализировать международную обстановку, в условиях которой СССР пошел на присоединение этих территорий. Притязания СССР на западноукраинские и западнобелорусские земли были оправданы уже только тем фактом, что данные территории были отторгнуты Польшей от России по условиям Рижского мира 1921 года. Более того, в 1920 году не большевики начали войну с Польшей, а поляки, ведомые воинственным маршалом Пилсудским. Попав под власть Польши, западные украинцы и белорусы испытали на себе все прелести политики полонизации. Посол Франции в Польше Л. Ноэль писал в своих мемуарах о том, что, хотя поляки «считали польскими Вильно, Пинск, Тернополь, Львов и прилегающие районы», тем не менее «достаточно было посетить эти территории, чтобы убедиться, что они таковыми не являются. Здесь не чувствовалось, что находишься в Польше. Впрочем, и сами польские власти, несмотря на все их уверения, чувствовали себя

здесь за границей, местных жителей они не считали настоящими поляками» [36, с. 17]. Польские власти проводили так называемую политику «сдерживания» украинского и белорусского населения в концлагерях для «неблагонадежных». Эту политику поляки не особенно маскировали. В 1930-е годы глава Департамента вероисповеданий Польши Х. Дунич-Берковский неоднократно заявлял о том, что в Виленском, Новогорудском, Полесском, Белостоцком, Люблинском воеводствах и в трех поветах Волынского воеводства «мы ставим своей целью полонизацию» [36, с. 18]. Польскому гнету пытались отчаянно сопротивляться радикальные украинские националисты. В 1934 году они убили польского министра Бронислава Перацкого. Внедренный в среду украинских националистов советский разведчик П.А. Судоплатов, лично уничтоживший в 1938 году одного из их лидеров Евгена Коновальца, писал в своих мемуарах о том, что деятели ОУН «буквально жаждали войны Германии с Польшей и СССР, как освобождения из-под ига «национального угнетения» [28, с. 23]. Политика полонизации поставила западных украинцев и белорусов в безвыходное положение, их воссоединение со своими единоплеменниками в сентябре 1939 года было единственным возможным для них выходом. Для И.В. Сталина это было ясно еще в 1920-е годы. В июле 1924 года, редактируя резолюцию 5-го Конгресса Коминтерна по национальным вопросам средней Европы и Балкан, он посоветовал Д.З. Мануильскому «сделать некоторые изменения в тех пунктах, где говорится о присоединении украинских и белорусских территорий к СССР. Лучше было бы исправить это в том смысле, что речь идет о воссоединении разорванных империалистическими державами на части Украины и Белоруссии. Так будет скромнее и осторожнее. Иначе могут обвинить Конгресс в том, что он заботится не об освобождении национальностей, а о приращении территорий России. На деле мы от такового поправления ничего не проиграем, ибо все равно все эти разорванные части сомкнутся в свое время с СССР (больше им некуда тянуться)» [37, л. 1].

Приход Красной Армии в Польшу в сентябре 1939 года был неизбежен в качестве превентивной военной меры против агрессивной по отношению к СССР

внешней политики Польши. Все 1920-е и 1930-е годы Польша вынашивала замыслы о расширении своей территории за счет Литвы и Советской Украины. Кое-что сделать в этом отношении Польше даже и удалось – захват Вильнюса и Виленской области в октябре 1920 года генералом Желиговским. Польша была первой страной в Европе, заключившей пакт о ненападении и дружбе с гитлеровской Германией 26 января 1934 года, после чего ее восточная политика стала еще более агрессивной. В 1934 году Польша отвергла предложение СССР о заключении Восточного пакта (Балтийской декларации), гарантировавшей безопасность Прибалтийских государств. 30 сентября 1938 года, на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения, расчленившего Чехословакию (союзника СССР), Польша в ультимативной форме потребовала передачи ей Тешинской и Фриштатской областей, что ей и удалось [38, с. 32–34, 38, 45–46]. Следует вспомнить и о территориальных притязаниях Польши по отношению к Украине, открыто высказанные польским руководством лидерам нацистской Германии в 1939 году. 5 января 1939 года в беседе с Гитлером польский министр иностранных дел Ю. Бек заявил о том, что Украина «это польское слово» и означает «восточные пограничные земли». Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории вдоль Днепра» [38, с. 173]. В январе 1939 года в беседах с германским министром иностранных дел Риббентропом Бек уже более определенно формулирует территориальные претензии: «Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня; 26 января 1939 года.... Господин Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю» [38, с. 176, 195]. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что Польша категорично отказалась пропустить советские войска через ее территорию в случае агрессии Германии. Как известно, в августе 1939 года именно на этом вопросе застопорились англо-франко-советские переговоры в Москве. Французский министр иностранных дел Жорж Бонне напрасно

пытался переубедить поляков. 22 августа 1939 года он отправляет отчаянную телеграмму французскому посланнику в Польше: «Любая возможность договориться с Советским правительством, что может еще быть обеспечено положительным ответом польского правительства, позволила бы нам ограничить как по духу, так и по букве значение будущего германо-русского соглашения, ставя, по крайней мере, вопрос о его совместимости с обязательствами, взятыми в то же время СССР по отношению к Франции и Великобритании. Соблаговолите особо настаивать на том, что Польша ни морально, ни политически не может отказать испытать этот последний шанс спасти мир» [38, с. 306]. Польша неожиданно взяла совету французского министра «испытать этот последний шанс спасти мир» – результат всем известен.

По проявлению агрессивности к СССР не уступала в 1920–30-е годы Польша и Финляндия. Достаточно вспомнить высказывания тогдашнего президента Финляндии П.Э. Свинхувуда: «Россия – единственный постоянный враг Финляндии», «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии» [39, с. 31]. Даже современные финские исследователи не скрывают того, что в межвоенный период многие финны, особенно молодежь, относились к русским очень враждебно. М. Якобсон отмечает тот факт, что «русские воспринимались добившимся независимости поколением как угнетатели. Университетская молодежь нагнетала страсти по поводу соплеменников в Советской Карелии и мечтала о великой Финляндии. Коммунистическая партия была объявлена вне закона на том основании, что она действует в интересах иностранного государства. Торговля и другие контакты с Советским Союзом были минимальные» [40, с. 21]. Именно Финляндия пошла на обострение отношений с СССР, а не наоборот. Еще в 1921–1923 годах финское правительство настойчиво аппелировало к Лиге Наций с требованием присоединения к Финляндии Восточной Карелии. Идею великой Финляндии («Суур-Суоми») теоретически разрабатывало Карельское Академическое общество, а практически хотело осуществить лапуаское движение – финская вариация фашизма. В январе 1939 года Финляндия и Швеция начали строить военные базы на Аландских островах, в чем Молотов,

вполне резонно, увидел стремление финнов и шведов «запереть для СССР выходы и входы Финского залива» [38, с. 492]. В ответ на эту акцию И.В. Сталин и В.М. Молотов затеяли с Финляндией длительные, изнурительные переговоры. Подробности их достаточно хорошо известны, чтобы мы могли добавить здесь что-то новое. Укажем лишь на то, что Сталин и Молотов ценой больших уступок стремились все же избежать войны с Финляндией. Советская сторона готова была уступить финнам 5529 кв. км территории в Восточной Карелии взамен на 2761 кв. км территории Финляндии – часть Карельского перешейка, часть полуострова Рыбачий, несколько островов в восточной части Финского залива, а также на условиях аренды остров Ханко [40, с. 35–36]. Ценой таких уступок И.В. Сталин и В.М. Молотов стремились как можно дальше удалить границу Финляндии от Ленинграда, что и было достигнуто в ходе советско-финской войны. Необходимость поступиться Выборгом осознавали, кстати, еще финские националисты XIX века. Один из идеологов финского национализма Ю.В. Снельман еще в 60-е годы XIX века писал о том, что в случае отделения Финляндии от России придется поступиться некоторыми территориями, так как Россия не может допустить того, чтобы граница проходила в двух десятках верст от Петербурга [40, с. 29]. Отвоевав Выборгскую область, Сталин добился того, чего не смогло добиться царское правительство. В 1911 году российский премьер-министр Владимир Николаевич Коковцев безуспешно пытался провести через Государственную Думу закон о присоединении южной части Выборгской губернии к Санкт-Петербургской губернии [22, с. 468]. Все перечисленные факты оправдывают конечный результат советско-финской войны – обеспечение безопасности Ленинграда.

Проблему присоединения Прибалтики необходимо рассматривать с точки зрения многовековой геополитической закономерности истории России – тяготения великой континентальной державы к Балтийскому морю, вызванного потребностью иметь более выгодные порты для торговли с Европой и более важные базы военно-морского флота, чем Архангельск и Мурманск. Документы свидетельствуют, что И.В. Сталин следовал этой закономерности не по Ленину, а по

Петру I 2 октября 1939 года на встрече с латвийской правительственной делегацией он сказал: «то, что было решено в 1920 году, не может оставаться на вечные времена. Еще Петр Великий заботился о выходе к морю. В настоящее время мы не имеем выхода и находимся в том нынешнем положении, в каком больше оставаться нельзя. Поэтому мы хотим гарантировать себе использование портов, путей к этим портам и их защиту» [41, с. 76]. О том, что Сталин считал Прибалтику лишь временно утраченной территорией, свидетельствует тот факт, что в 1947 году, правя макет своей «Краткой биографии», он вычеркнул слово «приняты» и вставил «возвращены» в той части книги, где речь шла о вхождении в 1940 году в состав СССР Латвии, Литвы и Эстонии [42, с. 122]. Присоединение, а точнее возвращение, Прибалтики нельзя сводить только к результату известных соглашений СССР и Германии 1939 года. Объективной является точка зрения Г. Городецкого, заключающаяся в том, что советизацию Прибалтики следует связывать с оккупацией Германией Франции. Установление контроля СССР над Прибалтикой, как справедливо считал Городецкий, «покончило с проблемами, проистекавшими из исчезновения буферной зоны, которая ранее отвечала потребностям обороны Советского Союза. Стратегическое положение России явно улучшилось за счет того, что не был создан «балтийский Плацдарм», который мог бы служить базой для нападения на Ленинград или Минск» [43, с. 127].

О том, что Германия намеревалась создать «балтийский плацдарм» свидетельствует хотя бы тот факт, что в марте 1939 года нацисты оккупировали Клайпеду. Кроме того, советские полпреды в прибалтийских государствах были свидетелями сильных прогерманских симпатий этих государств. 21 августа 1939 года полпред СССР в Латвии И.С. Зотов сообщил в Москву о том, что население Латвии «широко обрабатывается с целью внушения ему, что СССР – враг латышского народа наряду с другими, которых не называют по имени. Под флагом «нейтралитета» и «равновесия» по существу происходит дальнейшее укрепление политической дружбы и хозяйственных связей с Германией» [41, с. 10]. 23 августа 1939 года полпред СССР в Эстонии К.Н. Никитин телеграфировал в

Москву о том, что «германское влияние и германская обработка проникли довольно глубоко. Все офицеры генерального штаба ездят на переподготовку в Берлин, большинство редакторов также слушают курсы в Берлине. Председатель Государственной думы профессор Улуотс получил от Гитлера приглашение приехать на Нюрнбергский партийный съезд и на днях уезжает туда» [41, с. 15]. Эти сообщения не были далеки от истины. Лидеры прибалтийских «демократий» действительно очень хотели походить на Гитлера и Альфреда Розенберга. В конце 1930-х годов президент Эстонии Константин Пятс прозондировал финское правительство на предмет возможности создания финско-эстонского союза в виде государства с однородным угро-финским населением с выселением русских и лиц других национальностей за пределы такого государства [44, с. 168]. План К.Пятса не был какой-то умозрительной концепцией, а вытекал из проводимой им политики дискриминации нацменьшинств, главным образом русских, живших в Восточной Эстонии – в Печоре, Причудье, Нарве, которые до 1920 года были исконно русскими территориями. О тяжелом положении русских в этих регионах свидетельствует обращение председателей правлений Союза русских просветительных обществ в Эстонии и Русского Национального Союза, направленное президенту Эстонии Пятсу в феврале 1939 года. В этом обращении указывалось на факты изгнания русского языка из эстонских школ путем сокращения часов его преподавания и эстонизации учительских кадров, отмечались многочисленные случаи эстонизации русских фамилий, а. также недопущение русских до каких-либо административных должностей» [49, с. 50–52].

Быстрому падению прибалтийских «демократий» способствовала и их совершенно некомпетентная социально-экономическая политика, породившая у многочисленных ущемленных слоев населения сильные оппозиционные настроения и симпатии к СССР. В вышеприведенном нами обращении руководителей русских общин в Эстонии указывались факты «бегства русской молодежи в Советскую Россию из-за тяжелого экономического положения» [49, с. 51]. В октябре 1939 года директор департамента государственной безопасности Литвы

Повилайтис сообщал своему руководству о том, что «влиянию коммунистов поддается и немало тех рабочих, которые раньше с коммунистической деятельностью ничего общего не имели...», положение рабочих значительно ухудшилось: повышены цены, не отпускают в кредит, сужается производство, сокращается число рабочих дней, а нормы оплаты остались прежними. Забастовке, начатой с экономических требований, позже будет придан политический характер: будет выдвинуто требование освободить политических заключенных, избрать демократический сейм, создать демократическое правительство и так далее» [41, с. 131].

Советизация Прибалтики была предопределена как внешними, так и внутренними факторами. Прогерманская ориентация лидеров прибалтийских «демократий» обрекла их на полное равнодушие со стороны Англии, Франции и США, а реакционная внутренняя политика оттолкнула от них широкие народные массы. Показателен тот факт, что вхождение прибалтийских республик в СССР в 1940 году Запад не считал в то время какой-то «оккупацией», «агрессией» или «аннексией». 26 июля 1940 года лондонская «Таймс» писала о том, что «единодушное решение о присоединении к Советской России отражает... не давление со стороны Москвы, а искреннее признание того, что такой выход является лучшей альтернативой, чем включение в новую нацистскую Европу» [45, с. 113].

Закономерно было и возвращение в СССР Бессарабии. Нельзя забывать о том, что многовековое турецкое иго вынуждало молдавских господарей еще в ХУІІ веке умолять русского царя «бедным рабам твоим получить от царствия твоего малой покой» [46, с. 53]. Присоединение Бессарабии к России в 1812 году согласно условиям Бухарестского мира между Российской Империей и Турцией были незаконно пересмотрены Румынией после раз渲ла Российской Империи. Нарушив все союзнические обязательства Первой мировой войны, Румыния еще до падения режима Керенского начала готовить вторжение в Бессарабию. В 1918 году, захватив Бессарабию, румынские власти прибрали к рукам и все имущество группы русских войск во главе с генералом Д.Г. Горбачевым, не оплатив

при этом поставки оружия и продовольствия странами Антанты, продолжавшиеся до апреля 1917 года. По разным подсчетам наших исследователей общая задолженность Румынии определялась в перерасчете на рубли от 1.005.501.601 рублей до 1 млрд 352 млн рублей золотом по ценам 1916–1918 годы [47, с. 88–89]. Покход Красной Армии в Бессарабию был предопределен и тем, что сама Румыния в 1940 году, заручившись германским покровительством, сосредотачивала на границах с СССР все большее количество вооруженных сил, а вскоре стала принимать на свою территорию и немецкие воинские части. О сосредоточении румынских войск на советских границах руководство страны информировало Разведуправление РККА в своей сводке от 19 июня 1940 года [41, с. 407]. Активность румынских войск на границах с СССР позволила И.В. Сталину через В.М. Молотова заявить послу Германии в СССР Шулленбургу 23 июня 1940 года о том, что советское правительство «намерено использовать силу», если Румыния не уступит СССР Бессарабию и Северную Буковину [48, с. 194]. В конечном счете, присоединение Бессарабии и Северной Буковины было торжеством исторической справедливости – СССР вернул себе незаконно отторгнутые Румынией территории.

Территориальный рост СССР в 1939–1940 годы очень серьезно укрепил геополитические позиции страны в Европе. И.В. Сталину при активной помощи В.М. Молотова удалось существенно продвинуть советские границы на Запад, что было крайне важно в условиях быстро ухудшающейся международной обстановки. В период победоносного шествия Гитлера по Европе территориальный рост СССР служил важным фактором сдерживания нацистской агрессии и одновременно поднимал авторитет страны Советов во всем мире. Следует согласиться с мнением В.М. Молотова, говорившего писателю Ф.И. Чуеву о том, что в деле расширения пределов «нашего Отечества... мы со Сталиным не-плохо справились с этой задачей» [23, с. 14].

Активная экспансия И.В. Сталина на Запад в 1939–1940 годы была вызвана объективной необходимостью продвинуть границы СССР как можно дальше на Запад с целью обеспечения безопасности Центрально-Европейской России, а, по

сугубо, являлось актом исторической справедливости по возвращению ранее утраченных исконных земель Российской Империи.

Список литературы

1. Сталин И.В. Соч. Т. 6.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 154.
3. Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М., 1975.
4. РГАСПИ. Оп. 3. Д. 426.
5. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3339.
6. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 97.
7. Военные архивы России. 1993. – Вып. 1.
8. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.: Стенографический отчет. – М., 1992.
9. Источник. Документы русской истории. – 1995. – №5.
10. От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917–1937. – М., 1981. – Т. 2.
11. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. – 1992. – №10.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 504.
13. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 353.
14. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130.
15. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5380.
16. Пассат В.И. Трудные страницы истории Молдовы 1940–1950 гг. – М., 1994.
17. Миропиев М.А. О положении русских инородцев. – СПб., 1901.
18. Козлов В.И. «Имперская» нация или ущемленная национальность // Москва. – 1991. – №1.
19. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. – М., 1995.
20. История XIX века под реакцией профессоров Лависса и Рамбо. – М., 1938. – Т. 3.

21. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. – М., 1991.
22. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – СПб., 1991.
23. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991.
24. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 4490.
25. Наше Отечество. Опыт политической истории. – М., 1991. – Т. 2.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 627.
27. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4392.
28. Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. – М., 1996.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 205.
30. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. – М., 1996.
31. Stalin I.B. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП (б) 3–5 марта 1937 г. – М., 1937.
32. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. – М., 1995.
33. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5299.
34. Stalin I.B. Вопросы ленинизма. – М., 1952.
35. Мельгунов С.П. Единая или расчененная держава // Возрождение. – 1951. – 15 тетрадь.
36. Прибылов В.И. «Захват» или «воссоединение»? (Зарубежные историки о 17 сентября 1939 г.) // Военно-исторический журнал. – 1990. – №9.
37. РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 1, Д. 2633.
38. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы в 2-х тт. – М., 1990.
39. Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории. – 1990.
40. Якобсон М. Зимняя война. Взгляд из Финляндии // Родина. – 1989. – №8.
41. Полпреды сообщают: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 г. – М., 1990.
42. Stalin сам по себе. Редакционная правка собственной биографии // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №9.

43. Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. – М., 1995.
44. Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40-х-50-х гг. // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №8.
45. Под маской независимости (Документы о вооруженном националистическом подполье в Латвии в 40–50-х гг.) // Известия ЦК КПСС. – 1990. – №11.
46. Под стягом России: Сборник архивных документов. – М., 1992.
47. Виноградов В. Кому возвращать долги? // Родина. – 1993. – №5–6.
48. Оглашению подлежит. СССР – Германия 1939–1941. Документы и материалы. – М., 1991.
49. 1939 год: русские в независимой Эстонии // Родина. – 1993. – №3.